

КУЛЬТУРА
ЛИТЕРАТУРА
ИСКУССТВО

*П*исатель из Сьерра-Леоне Абиосе Никол принадлежит к старшему поколению современных африканских литераторов.

Для творчества Никола характерен прежде всего отказ от каких-либо штампов и схем. Его герои, черные или белые, — это живые люди, с их достоинствами и слабостями, которые проявляются в различных жизненных перипетиях. Никол не ограничивает диапазон своего видения лишь черно-белыми тонами. Добро и зло в человеке, по убеждению Никола, не являются производными от цвета его кожи.

Публикуемый рассказ получил высокую оценку африканской критики как произведение, бичующее английский колониализм, калечивший африканцев физически и духовно.

Любопытен образ адвоката Невы, циничного приспособленца, сначала своеобразно игравшего на национальных чувствах африканцев, а затем продавшегося англичанам. Никол показывает на примере Невы генезис нынешней оппортунистической африканской «элиты». Образ Невы как бы напоминает читателю: Африка дала истории не только Лумумбу, но и Чомбе.

Рассказ печатается с некоторыми сокращениями.

ОХОТА НА ЛЕОПАРДА

АБИОСЕ НИКОЛ

КРИЧЧИ-КРАНЧ, криччи-кранч, криччи-кранч... Кранч-кранч. Леопард подходил все ближе и ближе, под могучими лапами поскрипывала галька. Зверь шел прямо на него. Другие охотники не осмеливались стрелять — чтобы его же самого не ранить. Солнечная капля пота, сорвавшись с ресницы, обожгла глаз. «Я забыл про балызам!» — пронеслось в голове. И в ту же секунду желто-коричневое пятно оторвалось от земли. Он спустил курок, сердитое эхо выстрела пророкотало в скалах. Туго скрученная живая пружина, описав дугу, упала на него. Прожитые годы и несбывшиеся надежды канули в жаркое пламя боли. Все кончилось...

МАЛЛАМ Абу Бакар медленно жевал орехи кола и задумчиво качал головой.

— В иные времена я бы сам пристрелил этого леопарда, — сказал он людям, сидевшим и стоявшим подле него. — Когда я был моложе, я мог убить зверя голыми руками.

Слушатели восхищенно зашептались.

Абу Бакар был мелким князьком, чья власть распространялась на каких-нибудь пять квадратных миль. Немногочисленные подданные, сохранившие верность Малламу, хорошо знали слабость старика к фантастическим преувеличениям и за глаза добродушно потешались над ним. Старику было за восемьдесят. Полжизни он потратил на разбор бесчисленных тяжб соплеменников, а вторую половину проспал. Главным его стремлением было подгадать верховному вождю, ибо лишь ровная случайность, не уставал втолковывать он своим придворным, лишила его этого титула, который принадлежал ему по праву.

— Расскажи-ка мне, что известно об этом леопарде, — задумчиво поглаживая бороденку, приказал он гонцу.

— Это старый зверь, мой вождь. Он ворует коров, а недавно чуть не унес ребенка. Говорят,

он вырос в доме у белых людей, а потом сбежал в саванну. И вот теперь вернулся.

— Возьми коня, — решительно приказал Маллам, — и скачки к белому губернатору. Скажи ему, что я и мой народ просим защитить нас от леопарда. Наши юноши, скажи, все ушли в город, и, кроме того, нам самим нельзя охотиться в эту пору. Скажи ему, что дело срочное. Зверь хитер, только белый человек может сравниться с ним в вероломстве.

ГУБЕРНАТОР был худой и высокий мужчина с проседью на висках и глазами небесно-голубого цвета. Он стремился так выполнять свой долг, чтобы прослыть человеком справедливым.

— Знаете, Аткинз, — сказал он районному комиссару, выслушав гонца от Маллама, — нам следовало бы оставить просьбу без ответа. Маллам обращается к нам через голову верховного вождя. Мы не должны этому потворствовать.

— Как прикажете.

— Впрочем, постойте. — Искушение поохотиться на леопарда было слишком велико. — Насколько серьезному риску подвергается население?

Аткинз сам не прочь был развлечься.

— А вдруг и впрямь что-нибудь случится?

— Что ж, придется ехать. Только дайте понять старому жулику, что последний раз для него делается исключение. Впредь пусть не нарушает порядка. — Губернатор помолчал и уже другим тоном добавил:

— Разузнайте поподробнее об этом леопарде.

Аткинз с самого начала был уверен, что Барроуз не упустит случая попробовать новое, выписанное из Англии ружье. И поэтому он заранее подготовил все необходимые сведения.

— Судя по рассказам местных жителей, леопард устроил себе логово в скалах, примерно в

этом районе. — И он развернул карту. — Последний раз его видели позавчера.

— С тех пор он мог далеко уйти.

— Вряд ли. Охотники сторожат его. Он проголодается и вернется.

— Посмотрим. — Бэрроуз придвинул к себе бумагу. — Составим список, кого мы возьмем с собой. Рейнольдс. Уотсон, полицейский Скиллен с двумя помощниками, затем этот коммерческий агент, Льюис.

— И отца Эдварда надо прихватить. А то он закис совсем, сея слово божье.

— Верно. Стрелок он отличный. Так... Нужен десятый для ровного счета, — задумчиво сказал Бэрроуз. Он любил круглые числа.

— Может быть, директор школы, Хауорт?

— Пожалуй, не стоит. Слишком уж он кичится своей принципиальностью. Ну его к черту!

— Тогда мосье Лефевр, наш доблестный союзник.

Что вы, что вы! А вдруг с ним что-нибудь случится! Я не хочу международного скандала. Уж лучше Хауорт...

Приглашение принять участие в охоте было принято с воодушевлением белыми жителями городка. В одиннадцать часов утра опустели служебные кабинеты. Мужчины принялись чистить ружья.

Мистер Баньола, чиновник, африканец, служивший у губернатора, был послан на велосипеде к Хауорту. Хауорт прочел записку вслух. Он всегда так делал, если письма приносили грамотные африканцы. Он был убежден, что будущее империи зависит от взаимного доверия.

«Дорогой Хауорт, — читал он. — Мы отправляемся охотиться на леопарда в пять вечера. Зверь довольно опасный. Он нападал на людей. Если хотите, присоединяйтесь к нам. Я могу за вами заехать в 4.30».

Баньола, хоть и притворялся безразличным, слушал с острым интересом.

— Передайте г-ну Бэрроузу, что я не поеду. Впрочем, я напишу ему. Пожалуйста, сядьте за машинку, а я продиктую. Готовы? Итак: «Дорогой Бэрроуз, как мне ни жаль, я не могу принять ваше приглашение. Как вам известно, я против насилия в любой форме. Я думаю, что, наверное, есть более гуманный способ обезвредить хищника. Леопарды становятся людоедами от дряхлости. Я бы рекомендовал подбросить приманку с ядом, чтобы не обрекать животное на ничем не оправданные страдания». Спасибо, мистер Баньола.

БАНЬОЛА быстро повернулся к Бэрроузу, и тот кивнул. Баньола притормозил. Вся колонна машин остановилась.

Баньола был чрезвычайно доволен. Он сидел за рулем губернаторского автомобиля с английским флажком на капоте. Когда он привез ответ Хауорта, Бэрроуз вдруг спросил, известно ли Баньоле содержание записки. Баньола ответил, что сам печатал ее под диктовку. Бэрроуз откинулся в кресле и задумался. «Рано или поздно африканцы получат самоуправление. Так пусть учатся защищать свою страну и своих сограждан. Пусть узнают, что такое ответственность. Пусть научатся глядеть в лицо опасности. Пожалуй, я рискну. Увы, мне не дождаться повышения — слишком часто жертвую я своей репутацией ради них. Ну да пусть».

— Баньола, — позвал он. Ответа не последовало. — Мистер Баньола, — повторил Бэрроуз.

— Да, сэр! — Африканец вытянулся перед ним, скромный, подобострастный, с заткнутым за ухо карандашом. Лицо его излучало лояльность и служебное рвение. Такие лица нравятся англичанам.

— Вы умеете обращаться с оружием?

— Да, сэр. — Ему хотелось добавить шутливо в подражание Хауорту: «Но я осуждаю насилие». Однако он удержался и вместо этого сказал: — В армии я был инструктором по стрельбе.

— Вы увлекаетесь охотой?

Баньола внимательно посмотрел на Бэрроуза: не ловушка ли это? Он изредка постреливал фазанов, зайцев и мелких антилоп, но разрешения на охоту у него не было. Оно довольно дорого стоит, а африканцу вообще могли в нем отказать.

— Нет, сэр. У меня нет лицензии.

— Я хочу взять вас на охоту.

— У меня нет ружья. — Баньола едва сдерживался, чтобы не выдать охватившее его волнение и радость.

— Я одолжу вам.

— А как же лицензия?

— Принесите мне книгу регистраций.

Баньола быстро вернулся, и Бэрроуз выписал разрешение, годное не на год, как обычно, а всего на один день, и скрепил его печатью.

— Отправляйтесь домой, а к четырем будьте у меня. Посмотрите ружье.

— Хорошо, сэр.

Войдя в дом, Баньола с напускной беспечностью объявил жене:

— Я еду пострелять с европейцами.

— С какими европейцами?

— С Бэрроузом, Аткинзом и их компанией. Едем охотиться на леопарда.

— Какой еще леопард?

— Тот, что досаждал жителям Котонгоро.

— Но ведь у тебя нет разрешения, — с надеждой в голосе напомнила жена.

— А это что? Губернатор мне его собственноручно выписал!

— Ох, Баньола, чую я, быть беде. Они тебя вытолкнут вперед, а сами за твою спину спрячутся. Иначе зачем ты им нужен? — И жена, причитая, заломила руки.

— Напрасно ты так плохо думаешь о них. У них ведь принципы, — мечтательно сказал Баньола. — Они же оказывают мне честь. Это не хуже, чем приглашение на чашку чая.

— Ах дорогой мой, — она вытерла слезы. — Когда ты уходишь?

— В четыре.

Она достала чистую, отутюженную рубашку и шорты, почистила ботинки. Пусть все видят, какая у Баньолы заботливая жена. Потом ушла куда-то. Без десяти четыре она вернулась и робко заговорила:

— Пожалуйста, ради меня...

— Хочешь, чтобы я не ехал?

— Нет, поезжай. Ты ведь стреляешь лучше их всех. — Она помолчала.

— А что же тогда?

— Я ходила к мудрецу и принесла бальзам.

— Ты была у знахаря! — напустился Баньола.

— Ну, пожалуйста. Этим бальзамом пользовались наши охотники задолго до того, как ты появился на свет. Он обостряет слух и зрение.

Помажь им лоб и вотри немного в ладони. Я прошу тебя, дорогой.

«И она протянула ему маленький пакетик. Он нехотя взял его и опустил в карман.

— Я потом помажусь, перед самой охотой, — сказал он жене, а про себя решил: «За угол заверну — и выброшу».

ОНИ доехали до места, где их ждали проводники. Ярдах в ста начинались заросли кустарника и высокой травы. Проводники указали вход в пещеру среди скал, где спрятался леопард. Бэрроуз созвал военный совет.

— Дело даже проще, чем нам казалось. Надо окружить пещеру и поставить стрелков на линии кустарника на тот случай, если леопард прорвется через кольцо. Стреляет лишь тот, в чьем секторе окажется зверь. Да смотрите, не продырявьте друг друга!

— А как мы его поднимем? — спросил один из охотников.

— Устроим осаду, и он выкинет белый флаг, — сострил кто-то.

— Надо выстрелить прямо в расщелину.

— У меня идея. В потолке пещеры есть промоины от дождя. Если привязать копье к длинной палке, можно выгнать зверя наружу.

— Пожалуй.

— А кто пойдет туда? — спросил Аткинз. — Ведь мы уже все распределены...

— Пошлем кого-нибудь из проводников, — решил Бэрроуз.

С ружьями наперевес охотники окружили вход в пещеру, а один проводник стал неуверенно карабкаться по скале. Когда все было готово, Бэрроуз крикнул проводнику:

— Начинай!

ВРАЧ-АНГЛИЧАНИН нажал на педаль акселератора, потом притормозил и дал задний ход. Ура, он прикончил ее! Змея, пересекавшая шоссе, так и осталась лежать на асфальте. Он уже вылез было из машины, чтобы подобрать трофей, но вспомнил, что у змеи может быть супруг. Змея была черная, футов шести в длину. Это ядовитая мамба. Скоро строгими шеренгами неумолимо нагрянут муравьи, и через день-два на дороге останется лишь иссохший скелет, а потом и его смое тропический ливень. Доктор Брэдшоу медленно тронул машину. Он хорошо знал эту дорогу. Слева острые скалы круто переходили в высокое нагорье, справа буйно похладала недолгая вечерняя заря. Нежно-розовые тона сгустились в тлеющий уголь к середине, ближе к солнцу, в раздумье повисшему на западном краю неба.

— Э-ге-гей!

Доктор остановил машину. К нему подъехал всадник на белом коне. Произошло несчастье, и губернатор лично послал за доктором. Пострадал белый человек, для большей убедительности прибавил гонец.

— Что случилось? — спросил доктор. — Автомобильная авария, змея укусила, оплошность на охоте?

— Леопард изорвал нескольких людей в клочья! Несчастные буквально истекают кровью!

Доктор привык к подобным преувеличениям. Когда его приглашали к больному, то, как прави-

ло, сгущали краски, чтобы он не откладывал визита.

— А леопард?

— Он заплатил за это жизнью, — торжественно ответил гонец.

— Хорошо, я еду.

Затормозив у больницы, доктор выскочил из машины, взбежал по ступеням и тут же наткнулся на Бэрроуза, нервно вышагивающего взад и вперед по коридору.

— Как хорошо, что вы приехали, доктор. Аткинз слегка ранен, а Баньола, мой служащий, получил серьезные увечья.

— С кого начать?

— Займитесь Баньолой. Он очень плох.

Придя в себя, Баньола почувствовал сверлящую боль в груди. От головы до пят тело стягивали бинты. Он стал метаться, и сестра дала ему морфин.

Через два дня Баньоле сделалось лучше, родным и знакомым разрешили посещения. В числе первых его навестил сам Бэрроуз, присел у кровати, поговорил о том о сем и пообещал позаботиться о семье Баньолы, пока тот не поправится. Баньолу поместили в отдельную палату, предназначенную для европейцев, которые время от времени попадали в больницу то с малярией, то с дизентерией. Все, кто был на охоте, прислали ему цветы. Жена приходила по вечерам. Она пересказывала ему городские новости. Африканцы даже сложили песню в его честь, а ее одолевают журналисты. На третий день она спросила, можно ли привести одного человека.

— Кого это?

— Одного моего знакомого, — ответила она, пряча глаза. Она вышла и вернулась с белобородым африканцем в тюрбане. У старца было выразительное худое лицо, зубы, красные от орехов кола, и цепкие глаза.

— Вот мой муж. Ты спас его, старик.

— Я рад, дочь моя. — Старец подошел к кровати. Баньола смотрел на него и не мог вспомнить. Может, это один из проводников?

— Этот старик приготовил бальзам.

— Какой бальзам?

— Тот, что спас тебя на охоте.

— Тот, что сбил леопарда с толку и обрек его на гибель, — уточнил старец.

— Да я и не мазался им! — сердито перебил Баньола.

— Его нашли у тебя в кармане, — сказала жена, по-прежнему не глядя ему в глаза.

— Я им не пользовался. Собирался выбросить, а потом просто забыл о нем.

— День был жаркий, — сухо заговорил старец, — бальзам растаял и увлажнил карман. Очевидно, попало и на кожу. И это спасло тебя. А если бы ты намазался как следует, не валялся бы теперь в больнице.

— Уведи его, — раздраженно произнес Баньола и отвернулся к стене.

— Я уйду! — зычным голосом воскликнул старец. — Но прежде ответь мне, глупец: когда леопард прыгнул и твои белые друзья с ружьями ничего не могли сделать, не вспомнил ли ты тут про мой бальзам?

Баньола смутился. Старик сказал правду.

— Уходи, — прошептал он.

— Успокойся, успокойся. Мы уходим, — сказала жена. Старец с победоносным видом вышел из палаты.

— Зачем ты его сюда привела? — едва слышно спросил Баньола, когда жена, вернувшись, опустилась на стул. Она закрыла лицо ладонями.

— Вконец опозорил меня, муженек. Лучше бы сказал ему спасибо. Ведь он хотел нам помочь. И что это на тебя нашло? — Говорила она тихо, но голос ее дрожал от гнева. — Раньше ты был другой. Говорил, что гордишься нашими обычаями. А теперь бранишь меня, когда я надеваю африканское платье. Ты что, жалеешь, что женился на мне? Я тебе больше не нравлюсь?

Жена тяжело вздохнула. Она привыкла помалкивать, но на этот раз не могла сдержаться. Баньола с трудом выпростал из-под одеяла руку и положил жене на колени.

— Нет, — отозвался он задумчиво. — Это я собой недоволен. У меня безвольный характер... Я вроде того леопарда. Тебя ласкают и кормят с блюдечка, пока ты слабый и маленький. А когда вырастаешь и можешь дать сдачи — тебя окружают и приканчивают. Передай старику мою благодарность. И тебе спасибо. Мне повезло, у меня хорошая жена.

СО дня происшествия минуло немногим больше недели. Доктор, осмотрев раны, остался доволен. Нагноений не было.

— У меня хорошая кровь, — не без гордости сказал Баньола.

Когда к нему пришла жена с сыном, он радостно сообщил, что сегодня ему разрешат встать с постели. Он повозился с малышом, спросил, не хочет ли тот стать доктором, когда вырастет. Нет, мальчику больше нравится крутить баранку, водить огромные грузовики, чтобы люди, завидя его, убегали с дороги. Отец улыбнулся и пообещал подарить ему игрушечный грузовик на рождество.

Время посещения подходило к концу, когда в палату, широко улыбаясь, вошел санитар:

— Сейчас придет доктор, и мы устроим вам небольшую прогулку.

Санитар и доктор помогли ему подняться с постели. Он медленно сделал первый шаг, затем второй.

— Как самочувствие? — спросил доктор. Он кивнул: мол, все в порядке.

— Ну, на сегодня хватит. Ложитесь в постель.

И вдруг в ушах у Баньолы зашумело. Кровавая пелена застлала взор, грудь сдавило удушьем. Он оттолкнул поддерживавших его людей, с безумным отчаянием ухватился за горло и рухнул на пол.

Доктор Брэдшоу быстро нагнулся над ним и принялся делать искусственное дыхание.

— Кислород! — крикнул он.

— Он кончился еще на прошлой неделе, сэр, — испуганно ответила дежурная сестра.

— Смените меня, — приказал доктор. Схватив шприц, он сам сделал больному вливание. Затем приложил к его груди стетоскоп.

— Все. Отправляйтесь по местам, — буркнул он сбежавшимся людям.

БЭРРОУЗ был занят игрой в гольф, когда ему сообщили печальное известие. Вместе с Аткинзом он немедленно поехал в больницу. Доктор Брэдшоу провел их в свой кабинет.

— Очевидно, тромб. Ничего нельзя было сделать.

— Какое несчастье! — Бэрроуз нервно поморщился. Он и в самом деле был расстроен.

— Как по-вашему, делать вскрытие? — спросил доктор. — Родственники могут воспротивиться. Вы же знаете африканцев.

— И все-таки без него не обойтись, — ответил губернатор. — Надо также провести следствие.

Бэрроуз довез Аткинза до европейского клуба, а сам, сославшись на головную боль, отправился домой. В прокуренной клубной гостиной собрались чуть ли не все белое население городка. Аткинз сообщил им новости. Все стихли, думая примерно об одном и том же. Наконец кто-то произнес:

— Не надо было брать африканца на охоту. Ни к чему хорошему это не могло привести.

ЧЕРЕЗ неделю началось судебное разбирательство. Из столицы прибыл судья д-р Джолсон. Чтобы подчеркнуть свою беспристрастность, он остановился в клубе, а не у губернатора. Это было тем более необходимо потому, что за происшествие ухватилась пресса. Африканские газеты писали, что англичане заставили Баньолу участвовать в охоте, всучили ему дрянное ружье, что ему досталось самое опасное место в цепи. Ничего удивительного, что африканец погиб.

Африканская партия прислала адвоката по имени Невин, чтобы представлять на суде интересы семьи покойного.

Горе и отчаяние вдовы было безгранично. Старец, посетивший ее после похорон, пояснил, что смерть была карой Баньоле за пренебрежение к духам.

Многие приходили навестить ее в эти дни. Из столицы приехал брат. Он прочел ей, что пишут о случившемся в африканских газетах. Она попыталась возражать — ведь Баньола поехал на охоту по собственной воле. Но брат рассердился:

— Газеты никогда не врут. Все, что здесь написано, — чистейшая правда.

После этого она молчала и только внимательно слушала, что ей говорят люди. А газеты со статьями о муже спрятала в сундук.

Г-н Невин прибыл за день до начала суда. В его честь образованные африканцы устроили обед. Адвокат произнес краткую речь, напомнив о существовании политической партии, которая борется за независимость. Он призвал присутствующих пополнить ее ряды. Многие откликнулись на призыв и тут же записались, пообещав со временем уплатить вступительный взнос. Вечером адвокат встретился с г-жой Баньола и отрепетировал с ней, что она скажет на суде.

И вот она сидит в душном зале, опустив руки на колени. Доктор Брэдшоу дал показания и зачитал акт о вскрытии. Смерть наступила в результате закупорки кровеносных сосудов. Больной шел на поправку, но непредвиденное осложнение привело к смертельному исходу. Адвокат сдержанно слушал. Он не усомнился в правильности курса лечения, но поинтересовался, связана ли причина смерти с увечьями, нанесенными леопардом. Брэдшоу объяснил, что тромб не является следствием ранения и мог бы образоваться, если бы Баньола провел восемь дней в постели с любым другим недомоганием.

— Каким, например?

— Скажем, с вывихнутой коленкой.

— Увы, дело было куда серьезнее, — мрачно съязвил адвокат, и его замечание показалось чрезвычайно удачным сидевшим в зале африканцам. «Он бесподобен, — перешептывались на скамьях для публики. — Он их сбивает с толку».

Процесс продолжался. Суд заслушал свидетелей. Мало-помалу стала ясной вся картина происшедшего. Леопард, испугнутый копьем, в ярости выскочил из пещеры. Бэрроуз выстрелил, и зверь упал. Охотники, решив, что опасность миновала, направились к нему. Но Бэрроуз остановил их. Тут леопард вскочил и ринулся к Аткинзу. Аткинз вскинул ружье, но поскользнулся и не попал. Баньола не сходил со своего места. Леопард оказался обращенным к нему боком. Баньола выстрелил и тоже промахнулся. Вздвигнувшись, зверь бросился на него. Отдача чужого ружья была для Баньолы непривычной. Он едва удержался на ногах. Другим охотникам стрелять было нельзя — они могли попасть в Баньолу. Леопард прыгнул. Баньола снова выстрелил. Леопард сшиб его с ног и тут же сам испустил дух. Когда к Баньоле подбегали, он был без сознания. Когти леопарда оставили рваные раны на его теле. Доктор Брэдшоу полагал, что Баньола потерял сознание в результате шока. Раны были серьезные, но отнюдь не смертельные.

И тут адвокат накинута на Бэрроуза:

— Разве вам неизвестно, что, когда леопард выскакивает из темного укрытия, он поворачивает на 180 градусов и набрасывается на того, кто стоит позади? Достаточно заглянуть в любое пособие по охоте на диких зверей, чтобы узнать этот элементарный факт. Следовательно, покойному Баньоле была отведена наиболее опасная позиция.

Далее адвокат напомнил, что мистер Баньола не мог приобрести столь дорогое ружье. Бэрроуз, до сих пор державшийся безукоризненно, начал проявлять признаки раздражения:

— Ружье одолжил ему я.

— А откуда у мистера Баньолы разрешение пользоваться огнестрельным оружием?

— Я его выдал.

— И оно помечено тем же днем, когда состоялась злополучная охота, не так ли?

Бэрроуз подробно рассказал, как было дело. Он воздал должное отваге Баньолы, который спас жизнь человеку, приняв удар на себя. Аткинз согласно кивал головой. Д-р Джолсон делал пометки на листе бумаги. Когда Бэрроуз кончил, вновь настала очередь адвоката.

— Баньола пал жертвой англичан! — гремел Неви. — Вы вынудили его сопровождать вас, вы снабдили его разрешением, дали старое, неисправное ружье и тем предопределили его гибель. И вот перед нами вдова и осиротевший сын. Кто позаботится о них? Кто?

Адвокат сел. На скамьях, где сидели африканцы, поднялся шум. Судья громко застучал по столу:

— Я полагаю, господин Неви, что вам следует извиниться. Ваши обвинения беспочвенны.

Неви продолжал невозмутимо сидеть, откинувшись на спинку стула, закрыв глаза. Его высокий лоб и сверкающая лысина покрылись испариной. Капельки пота падали на форменный галстук выпускника Лондонской школы экономики. Что с того, что Бэрроуз добрее других колониальных чиновников, лучше многих относится к африканцам? Все англичане в равной степени

заслуживают ненависти, и он внушает эту ненависть своему народу. Что же движет им? Зависть к их спокойной уверенности в себе? К их власти? Может быть, в этом и есть секрет его самоотверженного патриотизма? У них власть, о которой он сам мечтает.

После перерыва Джолсон объявил свое решение: смерть наступила в результате несчастного случая. Он с похвалой отозвался о мужестве покойного и добавил, что семья получит соответствующую компенсацию.

Африканцы проводили Неви аплодисментами. Он выиграл дело!

В тот же день адвокат уехал в столицу. В течение нескольких дней в проезжавшие по улицам машины англичан летели камни. Но постепенно страсти утихли и воцарился мир. Бэрроуз вскоре получил назначение далеко на Восток.

НО ИРОНИЯ судьбы в том, что, пожалуй, никто из присутствующих на суде не относился к Баньоле лучше, чем я. Он прослужил у меня пять лет, — рассказывал мне Бэрроуз. — После его смерти мне пришлось разобрать бумаги в его столе. Я нашел учебники по механике и электротехнике, популярные книги о психологии личности. И у него была такая милая жена. Интересно, что с ней стало? Впрочем, откуда вам знать. Было это лет двадцать пять или тридцать назад. — Бэрроуз, слегка согбенный годами, подвинул мне чашку чаю.

С группой чиновников из стран Содружества я ездил по Британским островам, знакомясь с деятельностью муниципалитетов. И вот в Бекингемшире меня пригласил к себе мистер Бэрроуз. Имя это задело негромкую струну в моей памяти, и я принял приглашение. Он был слегка разочарован, узнав, что я не из той африканской страны, где он когда-то служил, а я не стал сообщать ему, что моя мать была родом как раз из тех мест, которыми он интересовался. На другой конец континента она уехала со вторым мужем.

Беседа поначалу не клеилась. Хозяин расспрашивал о моей работе, о впечатлениях от Англии. Внезапно я обратил внимание на прекрасную шкуру леопарда, висевшую на стене. И тогда услышал эту историю. Рассказ длился долго, и, когда Бэрроуз умолк, за окном уже смеркалось.

— Хотелось бы мне знать, что стало с Неви. Он был очень жесток, — раздумчиво проговорил Бэрроуз.

Я сообщил ему, что Неви кончил тем, что стал королевским судьей — на службе у англичан. Он откинулся в кресле и рассмеялся:

— Никогда бы не подумал, что мы с ним очутились по одну сторону баррикады.

Я собрался уходить.

— Выпейте напоследок шерри, — предложил хозяин и ушел за вином.

А со стены смотрел на меня леопард с выражением глупого высокомерия на морде. Свиные усы, обнаженные клыки. Лакированный язык, красный и неподвижный. Я погладил шкуру, и это принесло мне облегчение. Я убедился в том, что мой покойный отец не испугался, когда зверь прыгнул и подмял его под себя давным-давно, далеко-далеко отсюда, на скалистой африканской земле...

Перевел с английского

В. Рамзес